

«Один музыкант, с которым я работал, — вспоминает Александр Сергеевич, сказал мне, чтобы я сходил и послушал некую Пугачеву — это, по-моему, был концерт какой-то самодельности. Я действительно пошел. Она пела там «Посидим-поокаем», и очень мне понравилась. После концерта я с ней познакомился и чуть ли не сразу же предложил записать какую-то песню для фильма».

Алла тогда очень польстило внимание Зацепина, и она, разумеется, сразу же согласилась. Тем более, что тогда, до своей «орфейской» славы, часто нуждалась в финансовой поддержке. (Мама иногда спрашивала, нужны ли Аллочке деньги, но та небрежно махала рукой: да у меня этих денег... Это было, мягко говоря, блефом. Но Алла всегда старалась сама дать родителям денег — на Крестинку.)

Надо заметить, что у Зацепина уже тогда, в середине семидесятых, была своя домашняя студия — неслыханная роскошь! Такого никто не мог себе позволить — даже Пахмутова.

Алла приходила к нему домой, и они работали. Записывали песни к фильмам — «До свиданья, лето», «Куда уходит детство?». Для Пугачевой то был очень недурной заработок. Мало кто знает, что знаменитая вещица «Волшебник-недоучка» тоже была сделана для фильма.

Тогда московских мэтров заваливала заказами «растущая кинематография» азиатских республик. Их, в свою очередь, обильно финансировало государство: национальную, дескать, культуру нужно всемерно оберегать и поддерживать. На эти деньги переводились сотни километров киноплёнок «Свема». Так, то ли на «Туркменфильме», то ли на «Гаджикфильме» готовилась картина для детей «Мудный Ширак». Зацепин со своим неизменным соавтором — поэтом Дербеневым сочинили песню мальчика, одного из героев фильма, который учился на всемогущего мага, но, как выяснилось, с пагубными для общества последствиями. Спела ее Пугачева. Песня, в отличие от убогого фильма, стала интернациональным хитом.

«В «Волшебнике-недоучке», — вспоминает Зацепин, — Алла при записи вдруг не «попала» в припев — начала раньше времени: «Даром преподаватели...» Ойкнула, засмеялась... (Вообще это был редкий случай — она всегда пела очень точно). Я сохранил этот неудачный вариант и потом оставил его в песне. Получилось, будто это сделано специально».

Уже после «Орфея» Алла как-то в тревоге позвонила Зацепину: — Тут будут со мной интервью в «Огоньке» делать. Хотя приехать ко мне домой, там фотографировать. Вы представляете — это в моей-то хибаре в Вешняках?

Александр Сергеевич не растерялся. Тут же предложил, чтобы Пугачева встречалась с журналистами в его квартире, где было не стыдно принять спесивую прессу.

Они разыграли тогда целый спектакль.

Алла с Крестиной приехала к Зацепиным, по дороге объяснив пятилетней дочке, что сейчас у них будет интересная игра. Аллу нарядили в шелковый халат зацепинской супруги, а сама супруга взяла на себя роль домашней прислуги певицы. Приехали журналисты. Алла вальяжно развалилась на чужом диване, Кристина с визгом носилась по многокомнатной квартире (играть так играть!).

— А там у вас что? — поинтересовались корреспонденты.

— А там моя домашняя студия, — небрежно ответила Пугачева.

Поэт Леонид Дербенев тоже всячески опекал Аллу и говорил, что теперь ей надо подыскать хорошего режиссера, с помощью которого она бы окончательно утвердилась в своем звездном статусе.

Скоро он сообщил, что познакомит ее с одним режиссером «Мосфильма» — Александром Стефановичем.

«Во время нашей первой встречи у Дербенева, — говорит мне Александр Борисович, слегка грассируя, — Алла была, как называется, в ударе и полностью меня очаровала. Однако когда спустя несколько дней я увидел ее на сцене, то особого восторга не испытал. Она пела лишь несколько песен с оркестром Орбеляна во втором отделении концерта. Держалась Алла как-то скованно и одета была в длинное черное платье с чудовищной искусственной розой, приколотой на колечке...»

Тем не менее «чудовищность» той розы не помешала начаться роману Стефановича и Пугачевой.

«Вместе с одним известным фотографом, — пишет Полубояринова, — на даче у последнего Стефанович проводил веселенькие вечера с красотками. Этих девушек они называли «маникухи» (очевидно, от слова «манекенщица»). Как-то Стефанович позвонил приятелю и сказал: «Старик, завтра никаких маникух! Я приеду с девушкой». Фотограф понял, что режиссер имеет серьезные намерения».

Стефанович был на четыре года старше Пугачевой. Сперва он работал в Ленинграде, потом устроился на «Мосфильм». Снял несколько картин — ныне благополучно забытых: «Волшебство», «История одной семьи», «Дорогой мальчик».

Новый возлюбленный перебрался в вешняковское жилище к «Пугачевочке», как он ласково окрестил подругу.

«Это была крохотная

однокомнатная квартира, — вспоминает Александр Борисович. — На полу лежал матрац, практически никакой мебели...»

Однажды зимой Алла вернулась домой и увидела, что весь пол их комнатки покрыт елочной мишурой — то был оригинальный сюрприз Стефановича.

«Ну как было не влюбиться?» — констатировала она спустя годы.

Скоро они поженились. Но еще до этого Стефанович

Это случилось еще задолго до «Орфея». После концерта в каком-то Доме культуры за кулисами к Алле подошел худой человек и представился: композитор Александр Зацепин. Алла, конечно, и так сразу догадалась, кто перед ней. «Кавказская пленница», «Бриллиантовая рука», «Иван Васильевич меняет профессию» — кто же не знал тогда первого шлягермахера советского кинематографа? Я разыскал Зацепина в Париже, где он живет с 1982 года, и тот, чуть поразмыслив, согласился рассказать о своем общении с Аллой.

пытался «работать» с Аллой как режиссер. Вот что поведал мне он сам:

«Я составил определенный план действий, которому она, на мой взгляд, должна была следовать. Ей этот план понравился, а для меня было забавно придумывать образ, который миллионы людей станут принимать за реальный.

Итак, я предложил пять основных принципов.

Во-первых, форма «исповедальности». То есть все песни должны исполняться от первого лица. У зрителя должно было сложиться впечатление, что перед ним на сцене раскрываются какие-то тайны личной жизни.

Во-вторых, надо было создать образ одинокой раненой женщины. Это касалось не только отбора текстов. В сознании публики необходимо было внедрить образ одинокой женщины с ребенком, который бы вызывал сочувствие и у пэтэушницы, и у буфетчицы,

и у студентки. Мой друг Валерий Плотников сделал серию фотографий Аллы с маленькой Крестиной. В придуманный мной «одинокий» образ я сам не вписывался, что меня вполне устраивало.

В-третьих, важно было не конкурировать с западной и так называемой полузападной эстрадой. Тогда очень модны были песни с акцентом. Эдита Пьеха, югославская, болгарская эстрада воспринимались как иностранные, как некий фирменный знак, как лучшее. Алла должна была стать певицей, которая поет на современном русском языке и таким образом заполнить пустую нишу.

В-четвертых, мною была придумана такая формулировка — «Театр Аллы Пугачевой». Эти слова я написал ей в книжке в один из первых дней нашего знакомства. «Смотри, — говорю, — это главная заповедь». — «В каком смысле?» — спросила Алла. — «Каждая твоя песня должна быть маленьким спектаклем, потому что ты человек с актерскими способностями, и надо сделать спектакль с минимумом реквизита — обыгрывать платя, обыгрывать детали декораций, если они существуют, обыгрывать микрофон, который может быть в какой-то момент бокалом, в какой-то момент скипетром... В этом театре на площади должен действовать закон зрелища — после клоуна выходит слон, а после слона — фокусник. И

лучшая подводка к исповеди — это веселая песенка».

И, наконец, последнее. «Бунт» на эстраде. Отказ от «гражданской» тематики. Была даже продумана стратегия влияния на общественное мнение, то есть точная дозировка каких-то уходов «в тень» и эффектных появлений с новым скандалом. Мы постоянно обсуждали: нужно ли какой-то слух муссировать дальше или, наоборот, лучше пригасить его.

Легко убедиться, что этот придуманный образ «работал» целых двадцать лет.

Теперь, после монолога Стефановича, я позволю себе обратиться к воспоминаниям других людей, близко знавших в то время Аллу.

Стефанович действительно педантично составил «план-конспект» жизни певицы. Однако он содержал куда больше пунктов, чем привел в беседе со мной Александр Борисович. И творческая часть этого плана уступила материальной. «Я научу тебя, как быть богатой женщиной», — любил повторять Стефанович жене.

Скажем, один из пунктов игриво был назван им так — «инвалидная коляска для звезд». Расшифровывалась эта мрачноватая шутка, как приобретение «Мерседеса». Именно «Мерседеса» — даже не «Волги!» Это в 1976 году...

Там же значилась и квартира, и еще много разных бытовых радостей.

Нелья сказать, что Алла стремилась к аскетизму и наслаждалась жизнью в своей вешняковской квартире, но работать на износ только для того, чтобы приносить в дом больше и больше денег, она тоже не была готова. Но приходилось.

Кстати, потом, незадолго до развода, существенную часть этих денег Стефанович снял с пугачевской сберкнижки, куда он предусмотрительно попросил ее вписать свое имя.

Что же касается сценического образа, то Пугачева сама уже тогда подумывала о маленькой книжке «Секреты волшебства на эстраде». Всего этих секретов насчитывалось 367 — намного больше, чем у Стефановича. (Хочется верить, что теперь-то она эту книгу сделает.)

Между прочим, и свой брак со звездой Александр Борисович вовсе не скрывал, как он уверяет. Полубояринова пишет, что иногда доходило до курьезов, как, например, однажды в Сочи, когда Алла получила из зала записку: «Кто ваш муж?», а Пугачева ответила, что для своей публики актриса всегда должна быть свободной. Тогда Стефанович, сидевший в зале, вскочил и буквально закричал: «Нет, нет! У нее есть муж! Это я!». А потом еще долго ругался с Алой в гостинице.

Именно Стефанович приучал Пугачеву к регулярным возлияниям. Каждый вечер он обязательно предлагал осушить «три рюмочки».

В 1978 году на экраны вышел фильм «Женщина, которая поет» (ему будет посвящена следующая глава). Но Алла уже никак не хотела останавливаться: кино безумно влекло ее.

Понятно, что эти чаяния имели под собой вполне добротную основу в лице мужа-режиссера.

Стефанович в то время как раз ставил фильм «Пена» по сатирической пьесе Сергея Михалкова (почему-то его собственные сыновья Никита и Андрон пренебрегли творчеством «патриарха советской литературы»). Алла

написала для «Пены» песню и, более того, даже промелькнула там в эпизодической роли.

Но их с супругом творческие планы простирались значительно дальше. В 80-м году они начали снимать картину «Рецивал».

В интервью журналу «Клуб и художественная самодельность» Пугачева говорила о будущем фильме.

«Открою только, что героиня — тоже певица. Зритель встретится с ней в самые трагические дни ее жизни, когда она поняла, что теряет голос и должна навсегда распрощаться с искусством...»

Александр Стефанович является и автором сценария, который написан вместе с кинорежиссером Александром Бородинским. Я надеюсь, что на этот раз (т. е. после «Женщины...»). — Авт.) серьезных споров с постановщиком не возникнет, поскольку он является моим мужем. Ну а если серьезно, то его работы говорят об определенной тенденции, и в данном случае мне будет приятно, что я работаю с единомышленником».

Но работы с «единомышленником» не получилось.

«Оношения наши в то время уже нельзя было назвать хорошими, — вспоминает Стефанович. — Но мы договорились, что будем работать и как профессионалы доведем работу до конца...»

«Всезнающие дамы с «Мосфильма», — пишет Полубояринова, — сплетничали, что одной из причин резкого ухудшения отношения между супругами была некая постельная сцена с участием Стефановича и одной девушки. Пугачева случайно застала их вместе, после чего во время съемок не сдержалась. Когда Стефанович стал делать ей некоторые замечания по роли, Алла вдруг закричала на всю площадку: «И ты еще будешь мне указывать, говнюк?».

Стефанович подскочил к жене и зашептал: «Тише, Пугачевочка, тише! Цивилизованная семья — это не счастье, а видимость счастья. Мы с тобой должны создавать эту видимость».

— Видимость?! Счастье?! — вскричала Алла. — Для тебя счастье — это моя машина, и сейчас это счастье станет видимостью.

Пугачева схватила первую попавшуюся под руку железку и, побеговав к машине, начала с упоением бить в ней стекла. Бледный Стефанович вздрагивал при каждом ударе.

Понятно, что о продолжении съемок уже речи не было...

Спустя какое-то время Стефанович приступил к съемкам другого фильма — «Душа». Молва утверждала, что бывший муж Пугачевой в качестве такой «культурной» мести пригласил на главную роль в этой картине Софию Ротару — неизменную сценическую соперницу Аллы. Об их взаимной неприязни слугали чуть ли не песни. Но Александр Борисович отрицает какие-либо мстительные мотивы в своем выборе.

«Действительно, когда фильм «Рецивал» закрыли, я особенно не возражал, но через год был написан другой сценарий, с другим названием и для другой актрисы».

Правда, «Душа» не имела и третьей доли того успеха, что «Женщина, которая поет».

Полностью книга Алексея Белякова выходит в издательстве «Вагриус».

Название главы дано редакцией «ВМ»

Супружеская чета — Стефанович и Пугачева